

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

А.П. Ждановский (Минск)

Принцип глобального эволюционизма выступает сегодня в качестве фундаментальной характеристики стиля научного мышления. Историческое знание как часть научной картины мира, занимающаяся исследованием сложноорганизованных социальных систем, само находится в постоянном процессе содержательных перестроек своих мировоззренческих оснований и аксиологических приоритетов. В его эволюции могут быть выделены философско-методологические программы (в лексиконе М.Фуко: «эпистемологические конфигурации знания», «эпистемы»), фокусирующиеся на вопросах природы исторического знания, специфики форм, методов познавательной деятельности, общественного призвания историка. Такие программы укоренены в мировоззрении исторической эпохи, входят в определенный резонанс с присущим ей типом переживания культуры.

Сущность просветительской эпистемы определяется тем, что сама позиция «современности» по сути отождествлялась с абсолютным разумом, надысторической инстанцией, откуда бытие обзревало в единстве своих временных измерений: прошлого, настоящего и возможного будущего: «общее высказывание требует всеобщего, или взаимозаменяемого, познающего субъекта. Общее высказывание и всеобщий, взаимозаменяемый субъект – это две стороны одной медали» [1, с. 142].

Пафос просвещенческой историографии – пафос критики. Критическому переосмыслению подвергаются труды античных авторов, средневековые источники. Получает распространение идея высшей социальной формы как цели исторического развития. И если бывали в прежней истории века, характеризовавшиеся расцветом ремесел и искусств, то просветители видели в них лишь редкие, скрытые начала благого, которые должны были исчезнуть, не получив сколько-нибудь развернутого воплощения.

Просвещенческая философско-историческая теория несла в себе определенный праксиологический потенциал. Историческое знание выступало как регулятор социально-практических преобразований, позволяя и государственному деятелю, и любому гражданину сравнивать законы и нравы разных государств, сопоставлять их с принятыми в собственной стране. Знание истории, как представлялось просветителям, помогает избежать ошибок и бедствий, имевшихся в прошлом и вызванных отступлениями от законов разума.

Стремясь раскрыть суть того или иного исторического периода, Просвещение прибегает к теории «единственного события», определяющего и сам факт наступления новой эпохи, и ее социокультурный облик. Реальная история как последовательная смена разнородных событий все более использовалась как «поставщик» эмпирических подтверждений тех или иных риторических фигур, обретая статус исторически-иллюстративного материала, значительно теряя при этом в своем «онтологическом наполнении». Постулируя истину как цель и регулятивный принцип познавательного процесса, Просвещение одновременно утрачивало интерес к проблеме достоверности исторического источника. Историческое знание, занимавшееся однократными событиями, эволюцией меняющихся нравов, устремлений, интересов, постепенно смещается на периферию философской картины мира, все более обращавшейся к законосообразному и всеобщему, составлявшему предмет математизированного естествознания. История «отлучается» от универсальной истины, превращаясь в источник познавательного скептицизма и релятивизма. Такая интенция Просвещения имела однако и определенные позитивные результаты. Просвещенческий разум, стараясь не теряться среди мелочей, обращается к значительным историческим фактам, к объективным обстоятельствам, породившим их. Соответственно, институализируются специальные исторические дисциплины, изучающие те или иные аспекты цивилизационной динамики: история нравов и литературы (Вольтер), история искусств (Винкельман), история промышленности и торговли (Герен). Освоение разнообразного этнокультурного материала, доставляемого исследователями, миссионерами, путешественниками из Индии, Китая, других стран Востока, вводит в научный оборот понятия «духа времени», «духа народов», которые при все своей семантической размытости способствовали в известной степени пониманию культурного многообразия мира, специфики развития разных этносов, определяемой особенностями климата, традиционно сложившихся политических систем, религиозных ценностей.

Историософская эпистема романтизма оперирует не столько понятием государства, сколько категорией нации, понимаемой как органическое единство, консолидированное духовными ценностями. На смену просвещенческому космополитизму и универсализму, фиксируемым понятиями «человечество», «свобода», приходят европеизм и национализм как единственно возможные, как представлялось романтикам, воплощения тотальности духа. Постигание исторического и культурного единства этноса оказывается возможным лишь в обращении к органической связи философских, художественных, правовых, морально-нравственных явлений соответствующей исторической эпохи. Утверждается синтетический идеал исторического познания, объединяющий в едином эпистемологическом комплексе историю литературы и быта, политики и философии, права и экономики.

Романтизм создает свою концепцию биографии, придавая особый статус творческой личности, обретающей свое значение в соотношении со всеобщим. Только в опыте творческой личности возможно индивидуализированное восприятие действующих в истории сил, ее духовных состояний, духа эпохи в их

неповторимой уникальности и значимости. Историческое познание преодолевает узкие рамки рационализма и выступает как фантазийно-творческое воссоздание прошлого для того, чтобы пережить его в настоящем. Романтизм актуализирует значение исторического документа, настаивая на объединении усилий философа и филолога. «От историка больше не требуется открывать и выражать общее знание, - он должен организовать его. Язык, используемый историком, больше не считается пассивным и неизменным посредником., он каждый раз адаптируется к обстоятельствам, в которых отдельный историк изображает или описывает фрагмент прошлого» [1, с. 144]. История предстает как единый процесс, как создание Бога, последовательное осуществление Божьего замысла в посюстороннем мире.

Постулируемое романтиками равновесие земного и трансцендентального, единичного и общего оказалось однако неустойчивым. Начавшийся еще в Просвещении и продолжавшийся позднее процесс рационализации философско-исторического мировоззрения, вытеснил имманентную установку познания в пользу трансцендентной, нацеливавшей исследователя на поиски надысторического замысла, воплощаемого реальной историей: «Отрицание априорного, неисторического масштаба, с которого начинается историческая наука., не свободное от метафизического предпосылок... Это можно показать на примере ведущих понятий указанного исторического мирозерцания. По своей общей устремленности такие понятия, правда, направлены на исправление предерженности, присущей априористической конструкции истории. Но когда они полемически заостряются против идеалистического понятия духа, они остаются зависимы от него» [2, с. 249]. Такая ориентация независимо от воли ее адептов отделяла идею от факта, объяснение от конкретного события, цель от конкретного действия. «Под видом высшей философии в историю внедрялись тенденции, симпатии и антипатии историка как приверженца партии, церкви, представителя того или иного народа» [3, с. 170].

Романтическая эпистема, абсолютизовав холистический подход не могла не вызвать реакции противодействия, которая и не замедлила проявиться. Речь о представителях самой исторической науки, которые отталкиваясь от неприятия трансцендентальных принципов исторической эволюции, стремились сохранить связь общетеоретических обобщений с реальной историей стран и народов.

Идеальным результатом работы исследователя выступало составление компиляций исторических источников, включавших в себя все более широкие культурные ареалы. Низведением исторической теории на почву эмпирического знания занялись философы-позитивисты, замещая романтическое понятие цели понятием причины, отождествляя динамику истории с социальной физикой. Получил развитие процесс математизации исторического знания, подкрепленный возникнувшей практикой статистических исследований. Создавались предпосылки сближения истории и естественных наук, ширились возможности применения в историческом познании натуралистических методов, использования понятий-метафор, выработанных в науках о природе (раса, наследственность, вырождение, подражание и т.п.).

При всем содержательном несходстве романтической и позитивистской программ следует говорить о их принадлежности (вкуче с Просвещением) к одной духовной формации, воплощаемой в различных эпистемологических программах. Вместо составления картины случайных взлетов и падений государств, династий и т.п. романтизм стремится увидеть историческую эволюцию в ее целостности и развитии. Эволюционные представления представлены и в позитивистской эпистеме. Попытки периодизации истории предпринимаются романтиками (кругооборот циклов истории, концепция последовательного чередования форм духа или психологических форм), так и позитивистами (теория трех стадий Конта, восьми этапов Лампрехта, четырех политических периодов Брейзига). Общей характеристикой романтизма и позитивизма выступает их отход от социального атомизма, стремление оперировать культурными универсалиями («идеи», «дух», «нации» - романтизм; «массы», «расы», «общество», «техника», «наука», «экономика» - позитивизм). Романтическому стремлению установить органическую связь явлений соответствуют позитивистская ориентация на выявление взаимосвязи социальных факторов, попытки построения теорий цивилизаций и социальной истории, включающей эволюцию политики, литературы, философии, религии. Романтизм отказался от дидактическо-морализаторского образа истории, соответственно позитивизм стремился сделать ее наукой, строгим, обоснованным знанием.

В заключение следует отметить, что проанализированные эпистемы, подчиняя природу исторически развивающемуся разуму (Просвещение), жертвуя природой ради духа истории (романтизм), растворяя историю в природе (позитивизм), не пришли к системному видению развивающегося социо-природного целого. Однако сама фиксация внутренне противоречивых взаимодействий истории, духа, природы дала продуктивные импульсы развитию постклассического философско-исторического знания, обратившегося к выработке особых методов исторического познания (Дильтей, Риккерт, Виндельбанд), к построению всеобъемлющей картины исторической эволюции (школа Анналов) и ее пространственно-временной детализации (концепция микроистории).

1. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – М. : «Канон+», «Реабилитация», 2009. – 400 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Кроче, Б. Теория и история историографии / Б.Кроче. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 192 с.